

*Моему мужу Роберту,
без которого я так и не узнала бы,
как писать об истинной любви*

Глава 1

В ту августовскую ночь меня не было с Финни, но воображение выжгло эту сцену в моем мозгу, и она стала практически воспоминанием.

Шел дождь (ну а как иначе), и Финни со своей девушкой Сильвией Уайтхаус мчался сквозь ливень в красной машине, которую отец подарил ему на шестнадцатилетие. А в ту дождливую ночь Финни было уже без нескольких недель девятнадцать.

Они ссорились. Никто, кстати, никогда не упоминает почему: мол, это несущественно. Но они не знают о подоплеке произошедшего, затаившейся, но иногда проглядывающей меж известных событий. То, чего не знают остальные — причина ссоры, — для меня является самым главным в этой истории.

Я вижу эту картину: блестящая от дождя дорога и полыхающие в ночи огни машин скорой помощи и полиции, которые предупреждают всех вокруг: здесь произошла катастрофа, будьте добры снизить скорость. Я вижу Сильвию, сидящую боком в машине полицейских, она говорит с ними, и ее колотит, ноги стучат по мокрому асфальту. Я не слышу слов, но понимаю, что она рассказывает им о причине ссоры. И я знаю, знаю, знаю: если бы он остался со мной, все было бы иначе...

Я вижу их в машине перед аварией: дождь стеной, дорога и весь мир такие мокрые и скользкие, словно их только что специально полили маслом. Они мчатся сквозь тьму, к несчастью, вместе, и спорят. Финни хмурится. Он отвлекается. Он не думает про дождь, про машину и мокрую дорогу под колесами. Он думает об этой ссоре с Сильвией. Он думает о том, что послужило ее причиной, но внезапно машину сильно заносит вправо, и поток его мыслей прерывается. Я представляю, как Сильвия кричит и как он резко крутит руль в другую сторону.

Финни пристегнут. Его винить не в чем. А вот Сильвия не пристегнулась. От резкого поворота она вылетает сквозь лобовое стекло прямо в ночь, каким-то непостижимым, чудесным образом отделяясь лишь небольшими царапинами на руках и лице. Так на самом деле и было, но это трудно представить, настолько трудно, что даже мне не удастся мысленно увидеть этот момент. Я вижу только следующий миг — миг, когда она зависает в воздухе, руки медленно раскрываются, волосы, чуть окровавленные и уже намокшие от дождя, струятся у нее за спиной, точно у русалки, рот широко раскрыт в крике ужаса, темная влажная ночь окутывает ее безупречный силуэт.

И вдруг Сильвия вновь на земле. Она с громким хрустом падает на асфальт и от удара теряет сознание.

Ее хрупкое тело лежит на дороге. Финни невредим. От шока он тяжело дышит и смотрит в темноту. В этот миг уже он как будто оказывается вне времени и гравитации. Его ум пуст. Он ничего не чувствует, ни о чем не думает; он просто существует,

безупречный и невредимый. Он даже не слышит, как шумит дождь.

«Останься на месте, — шепчу я ему. — Останься в машине. Останься в этом мгновении».

Но, конечно же, этого никогда не происходит.

Глава 2

Финеас Смит — сын тети Анджелины. Тетя Анджелина на самом деле мне не родственница; просто она еще в детстве подружилась с моей мамой и до сих пор остается ее лучшей подругой. А к тому же она наша ближайшая соседка. Когда-то давно наши матери забеременели примерно в одно время. Моя мать, как порядочная женщина, к тому времени уже год была замужем за своей школьной любовью, и фотографии с их свадьбы стояли по всему дому и даже на обнесенном забором заднем дворе. Отца почти никогда не было (да и сейчас не бывает) дома из-за работы, но маму это не огорчало: у нее была Анджелина. Увы, та забеременела от любовника, который был женат, богат и слишком стар для нее. К тому же он отказывался верить, что этот ребенок от него. Спустя несколько недель после рождения Финеаса потребуется назначенный судом ДНК-тест, чтобы его отец соизволил сделать доброе дело — купить тете Анджелине дом по соседству с нашим и на протяжении последующих лет делать вид, что она и ее ребенок существуют только мгновение, пока он подписывает ежемесячный чек.

Моя мама не работала, а тетя Анджелина преподавала рисование младшеклассникам в школе напротив своего дома, так что лето для обеих было временем

свободы. Они рассказывали нам, как в то беременное лето тетя Анджелина шла по Черч-стрит — ее большой и тяжелый живот выпирал так, будто указывал ей путь, — до нашего викторианского особняка на Элизабет-стрит, и весь день женщины проводили на заднем крыльце, закинув ноги на перила. Они пили лимонад или холодный чай и только к вечеру уходили в дом, чтобы посмотреть по телевизору «Я люблю Люси»*. Они сидели так близко, что мы с Финном могли пинать друг друга, точно близнецы.

В то лето они много думали о нашем будущем.

Финеас родился первым, двадцать первого сентября. Неделю спустя, видимо, заскучав по тому, кто меня пинал, появилась на свет я.

В сентябре все скажут вам, что осень — их любимое время года. Ни в один другой месяц вы от людей такого не услышите. Они забывают, что сентябрь на самом деле летний месяц. Тем, кто живет в Сент-Луисе**, это должно быть очевидно. Листья на деревьях еще зеленые, погода теплая, однако у всех на дверях уже висят улыбающиеся пугала к Хеллоину. К концу октября, когда цвет листьев и погода действительно начинают меняться, все уже устают от осени и думают про Рождество. Люди постоянно спешат, они никогда не задумываются над тем, что, может быть, у них уже все есть.

Мама назвала меня Отэм***. Обычно при знакомстве мне говорят: «О, как мило», а затем мое имя как будто ускользает от окружающих, и люди не успевают

* Американский ситком, снятый в 1950-х годах. *Прим. пер.*

** Небольшой город в штате Миссури, США. *Прим. ред.*

*** От *англ.* autumn — осень. *Прим. пер.*

осознать весь тот смысл, который оно в себе несет: различные оттенки красного, перемены и смерть.

Финеас понял значение моего имени еще до того, как я сама его осознала. В моем имени было то, чего не хватало ему: ассоциации, значение, история. Он очень расстроился, когда в четвертом классе мы смотрели значения имен в разных книжках. Тогда меня это удивило. В каждой книге его имени приписывались разные значения и происхождение: змея, нубийское, оракул, еврейское, арабийское, неизвестно. Мое имя значило именно то, что значило, в нем не заключалось никаких тайн. Я полагала, что, если значение и происхождение имени неизвестно, это не может никого расстроить. Тогда я не понимала, что мальчику, у которого, по сути, нет отца, это было важно и даже необходимо.

В прошлом осталось очень много того, чего я не понимала, но, конечно, конечно, конечно, конечно, теперь все встает на свои места.

Мы росли в Фергюссоне, маленьком городке в окрестностях Сент-Луиса, где сплошь одни викторианские дома, старые кирпичные церкви и живописные магазинчики, которые десятилетиями остаются во владении одних и тех же семейств. Думаю, у нас было вполне счастливое детство.

Я считалась чудаковатой, и друзей, кроме Финни, у меня не было. Он же мог завести их кучу, если бы захотел: он хорошо играл в футбол и странностями не отличался. Он был милый, скромный и всем нравился. Девочки влюблялись в него. Мальчики в первую очередь брали его в команду. Учителя спрашивали его, когда хотели услышать верный ответ.

Меня же интересовали судебные процессы над саванскими ведьмами. Во время уроков я читала книжки

под партой, а в столовой никогда не съедала нижний левый угол бутерброда. Я была уверена, что утконосы — это заговор правительства. Я не умела делать колесо и не могла пнуть, забить или поймать мяч. В третьем классе я заявила, что я феминистка. Когда в пятом классе у нас были уроки профориентации, я объявила всему классу во главе с учительницей, что моя цель — переехать в Нью-Йорк, носить черные свитера с высоким горлом и целые дни просиживать в кофейнях, размышляя над философскими вопросами и сочиняя рассказы.

Оправившись от минутного удивления, миссис Моргансен подписала мою полароидную фотографию «*Писатель-фрилансер*» и повесила ее на стену рядом с будущими учителями и звездами футбола. После консультации с ней я согласилась, что это довольно близко к моему видению будущей карьеры. Думаю, миссис Моргансен было приятно, что ей удалось подобрать мне профессию, но порой я спрашиваю себя, стала бы она принимать во мне такое участие, будь я не только странной, но еще и уродиной.

Сколько я себя помню, все вокруг говорили мне, что я хорошенькая. От взрослых я эти слова слышала чаще, чем от детей. Они сообщали мне об этом при знакомстве, они шептали это друг другу, когда думали, что я не слышу. Для меня этот факт стал чем-то самым собой разумеющимся: мое второе имя Роуз*, я левша, я хорошенькая.

Не то чтобы мне легче от этого жилось. Все взрослые, видимо, считали, что мне должно быть как минимум приятно слышать такие слова, но в детстве моя

* Роза (англ.). Прим. ред.

внешность доставляла удовольствие взрослым, а не мне самой.

Для других детей главной моей характеристикой была моя *странность*.

Я никогда не стремилась выделяться и бесилась оттого, что меня такой считали. Мне как будто от рождения не досталось способности понять, что какие-то мои слова и поступки могут выглядеть странно, и я оказалась в заточении у собственного «я». И то, что я «хорошенькая», служило слабым утешением в моих глазах.

Финни оставался верен мне: он задира́л всех, кто пытался мучить меня, осаживал каждого, кто глумился надо мной, и всегда брал меня в команду первой.

Все прекрасно знали, что я принадлежу Финни и что мы вместе. Одноклассники единодушно сочли, что все это как-то странно, и по большей части меня не трогали. И я была счастлива: у меня был Финни.

Мы редко расставались. На больших переменах я сидела на холме с книжкой, а Финни играл с мальчиками в бейсбол внизу на поле. Все групповые проекты мы делали вместе. Мы вместе шли домой и вместе праздновали Хеллоуин. Домашние задания мы выполняли, сидя бок о бок за столом у меня на кухне. Поскольку моего отца почти никогда не было дома, наши мамы часто звали друг друга на ужин. В течение недели мы с Финни вполне могли расстаться, только чтобы поспать в своих кроватях, и то мы шли в свои спальни, зная, что расходимся недалеко и ненадолго.

Мои детские воспоминания всегда начинаются с лета. Я вижу танцующие лучи света и зеленую листву. Мы с Финни прячемся среди кустов или под деревьями. Осень — это наши дни рождения, совместные прогулки до школы и насыщенный золотистый дневной

свет. Рождество Финни и его мама встречают у нас дома. Мой отец в кои-то веки с нами. Отец Финни присылает подарок — дорогой в той же степени, что и неуместный. Набор «Юный химик». Эксклюзивные клюшки для гольфа. Финни пожимает плечами и откладывает их в сторону. Зима — сплошной белый цвет и заочеченевшие руки в карманах. Финни защищает меня, когда другие дети забрасывают меня снежками. Мы катаемся на санках или сидим дома. Весна — светло-зеленое полотно, а я смотрю с трибун, как Финни играет в футбол.

Все эти воспоминания словно лежат в папке под названием «Прежде».